

Я.В. ВИШНЯКОВ

МАКЕДОНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПЕРЕВОРОТ В СЕРБИИ 29 мая 1903 года

1903 г. считается рубежом в политической истории Балкан. 29 мая 1903 г., в результате переворота, осуществленного офицерами белградского гарнизона, произошла смена правящего режима Обреновичей. Спустя два месяца в Македонии вспыхнуло восстание, названное по дню его начала (20 июля/2 августа – Ильин день) Илиденским. Тогда же, в июле 1903 г., от рук постового жандарма погиб русский консул в Битоли А.А. Ростковский¹.

Истоки формирования и деятельность македонских революционных организаций, являются предметом специального изучения². В 90-е годы XIX в. на македонской политической арене появились две революционные организации. В 1893 г. в Салониках была создана Д. Груевым, П. Арсовым, М. Татарчевым Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО). Эта организация ставила своей целью добиться автономии Македонии с возможным последующим ее присоединением к Болгарии. Лозунг организации – “Свобода или смерть!” – был впоследствии востребован в Сербии, но уже с акцентом на объединение всех южных славян. В 1895 г. в Софии появился Верховный македонский комитет (ВМК). Его члены занимались формированием вооруженных отрядов на территории Болгарии и переброской их в Македонию для организации террористических актов и для дестабилизации обстановки. В 1896 г. ВМРО была преобразована в Внутреннюю македонско-одринскую революционную организацию (ВМОРО). В 1899 г. к руководству ВМК пришел Б. Сарафов. Он выдвинул лозунг “Македония для македонцев” и был сторонником использования террора как средства достижения данной цели.

К началу XX в. территория Македонии стала ареной политической борьбы между Болгарией, Сербией и Грецией, в которой большую роль играли стратегические устремления балканских государств, стремившихся получить Вардарскую долину и – в случае с Сербией – выход к Эгейскому морю. Обосновывая свои претензии, державы ссылались на “историческое право” обладания данной территорией, а также на этнический состав населения, который трактовался ими в зависимости от политических интересов. В 1886 г. в Белграде было учреждено “Общество св. Саввы”, целью которого была просветительская деятельность в Старой Сербии и Македонии. В 1902 г. в Сербии

Вишняков Ярослав Валерианович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ.

¹ *Ямбаев М.Л.* “Мне сердечно жаль македонских славян, но...” (А.А. Ростковский в Македонии. Начало XX в.). – Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004, с. 297–307.

² *Ямбаев М.Л.* Македония в 1877–1912 гг. – “В пороховом погребе Европы” 1878–1912. М., 2003; *Лабарри Д.О.* Идеология македонизма в 1886–1903 гг. – Славяноведение, 2005, № 3, с. 22–37; *его же.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы. София, 2008; *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX в. (Бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008.

возникла четническая организация, одним из руководителей которой был С. Симиц³. В Греции появилась организация “Этники этерия”, занимавшаяся не только пропагандой, но и отправкой на территорию Македонии греческих добровольцев и созданием на ее территории вооруженных отрядов из числа местных греков. Территория Македонии, таким образом, стала ареной борьбы сербских, болгарских и греческих вооруженных отрядов. “Борьба между вооруженными отрядами партизан, добровольцами из Греции, Болгарии и Сербии, с одной стороны, а также между ними и османскими воинскими и жандармскими подразделениями, с другой, превращала Македонию в территорию, где война всех против всех в начале XX века превращалась в повседневную реальность”, – справедливо отметил российский историк Ар.А. Улунияч⁴.

Обострение ситуации в Македонии в начале XX в. серьезно отразилось на внутривнутриполитической ситуации в сербском королевстве: внутрисербская оппозиция при поддержке правящих кругов австро-венгерской империи стремилась воспользоваться сложившейся ситуацией для окончательной дискредитации правящего режима Обреновичей. Факт участия австро-венгерских кругов в подготовке переворота прекрасно иллюстрирует системный кризис в сербском государстве, поскольку в конце XIX в. именно через Вену отец Александра, Милан Обренович пытался “втянуть” Сербию в Европу, подписав с ней в 1881 г. торговый договор и военную конвенцию.

Донесения российских дипломатических, полицейских и военных агентов являются важным источником для изучения политической истории Сербии конца XIX – начала XX в. Документы балканского отдела департамента полиции, в основном хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) помогают понять, насколько широким было антидинастическое движение в Сербии, что, в свою очередь, дает возможность по-новому взглянуть на причины и характер собственно Илиденского восстания.

Балканская агентура департамента полиции была создана в 1886 г. в Бухаресте. Первоначально ее возглавлял А.Е. Мищенко. В 1890 г. его сменил полковник А.И. Будзилович, известный под псевдонимом Грабо. После его смерти в 1901 г. агентуру возглавил В.В. Тржецяк, имевший псевдоним Цитовский. В функции балканской агентуры входила слежка за российскими политическими эмигрантами и перлюстрация их почты. В ее ведении находились Румыния, Болгария и Сербия, а среди осведомителей Тржецяка было немало балканских политических фигур. Так, например, агентами В.В. Тржецяка были Гаспар – комиссар бухарестской полиции, Гнедич – помощник градоначальника Белграда, Иован Джайа – известный политик, министр сербской полиции, а после отставки редактор и издатель сербской газеты “Народ”. И. Джайа сам предложил “свои полные услуги в качестве политического или полицейского сотрудника России”⁵. Сообщая о его предложении в Россию, В.В. Тржецяк особо отметил, что “посланник (в Сербии. – Я.В.) Чарыков считает Джайю нужным секретным работником, имеющим в Сербии большие связи, от которых он неоднократно получает разного рода услуги”⁶.

Под началом В.В. Тржецяка в Румынии действовало 16 агентов, в Болгарии – пять, двое – в Сербии и один – в Вене⁷. Среди них выделялся Антон Макарович Прудкин (1880–1942), капитан самого большого судна болгарского торгового пароходства “Борис”. Он работал под псевдонимом Антон Михайлович Озеров. Именно от него департамент полиции получал оперативную информацию о деятельности болгарских и македонских революционеров, переброске на территорию России оружия и нелегальной литературы⁸.

³ Симић С. Српска револуциона организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903–1912. Београд, 1998; Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда 1878–1912 гг. СПб., 2007.

⁴ Улунияч Ар.А. Политическая история современной Греции. М., 1998, с. 88–89.

⁵ ГАРФ. ф. 505, оп. 1, ед. хр. 76, л. 1.

⁶ Там же, л. 1–1об.

⁷ Агафонов В.К. Парижские тайны царской охранки. М., 2004, с. 73.

⁸ Каширин В.Б. Опасные связи капитана Прудкина. Легендарный болгарский моряк и секретные службы России. – Родина, 2009, № 8, с. 122–126.

Работа балканской агентуры сопровождалась скандалами. Они были связаны с авантюрной деятельностью секретного сотрудника Александра Вейсмана⁹. Он называл себя “поставщиком императорского дипломатического агентства” и занимался продажей русских заграничных паспортов. Как агент русской полиции в Болгарии, А. Вейсман был быстро разоблачен. Под сомнение была поставлена важность доставленных им сведений по организации македонского революционного движения: “Что же касается его сведений по движению в Македонии, – отмечал российский дипломат А.Л. Воеводский, – то я должен сознаться... За все время моего пребывания, я не слышал ни одного мало-мальски серьезного сообщения”¹⁰. А. Вейсман используя свое положение и связи занимался сомнительными коммерческими сделками. Так, например, в сентябре 1896 г., используя выданное ему летом 1896 г. рекомендательное свидетельство русского консульства в Софии, в “удостоверении его честности и правоспособности к совершению актов”, он не только получил у одесского купца Перельмана в кредит на 6,5 месяцев 40 ящиков спичек на сумму 880 франков, но и попросил еще 2800 франков на оплату таможенных пошлин. Поверив А. Вейсману, купец написал письмо в российское вице-консульство в Софии. Он выражал готовность дать А. Вейсману деньги под процент “на сумму до 1 000 рублей, на срок 4 месяца, по расчету 8% годовых, если российское консульство будет гарантировать мне эту сумму и по этому сроку”. В ответе, данном Перельману российским консульством, говорилось, что “признавая комиссионную контору под фирмой Вейсман и К. солидной, оно тем не менее никаких сумм ему гарантировать не может, так как покровительствует вообще интересам русскоподданных, оно частными делами не занимается”. В декабре 1896 г. Будзилович отобрал у Вейсмана выданное ему российским консульством свидетельство¹¹. В 1897 г. российское представительство в Софии, подчеркивая, что “дальнейшее пребывание Вейсмана в Болгарии повело бы неминуемо к весьма нежелательным для наших здешних интересов последствиям”, просило Будзиловича “дать Вейсману другое назначение”, но так, “чтобы от него не пострадали те лица, которые доверили ему свои товары и деньги как добросовестному русскому торговцу”¹². Понимал это и Будзилович. В письме в консульство в Софии с просьбой оказать содействие сотруднику Ивану Осадчуку, он особо подчеркивал: “известный вам Александр Вейсман о пребывании Осадчука в Софии не знает и знать не должен”¹³. Сомнительные коммерческие операции “тайного” агента привели к судебным искам и угрозе описи имущества последнего. Но без услуг А. Вейсмана, видимо, было не обойтись. В марте 1899 г. Будзилович просил русское консульство в Софии не допустить описи имущества Софии Вейсман, “во избежание оглашения государственной тайны”¹⁴. В то же время, именно А. Вейсман явился организатором секретной охраны сербского короля Александра Обреновича, которая осуществлялась силами российской полицейской агентуры. На ее содержание король выделял значительные средства – около 70 тыс. франков, из которых около 12 тыс. доставались лично А. Вейсману. “Обстоятельство это еще более упрочило служебное и материальное положение Вейсмана и еще более убедило его в том, что он якобы является главным агентурным работником департамента полиции в Болгарии и Сербии”, – отмечал В.В. Тржецяк¹⁵. В общественных кругах Европы сформировалось убеждение, что именно А. Вейсман, а не В.В. Тржецяк,

⁹ Вишняков Я.В. Уничтожить всю коварную Европу. – Родина, 2007, № 1, с. 39–43; Каширин В.Б. Русский политический сыск на Балканах в конце XIX – начале XX в.: проблемы кадрового отбора. – В “интерьере” Балкан. Юбилейный сборник в честь И.С. Достяна. М., 2010.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 192, оп. 527, д. 383, л. 36об.

¹¹ Там же, л. 16об., 28–28об., 32, 33.

¹² Там же, л. 19–19об.

¹³ Там же, л. 16.

¹⁴ Там же, л. 42–42об.

¹⁵ ГАРФ, ф. 505, оп. 1, д. 39, л. 421об.–422.

был главой заграничной агентуры российского департамента полиции. Присутствует оно и на страницах исторических исследований¹⁶.

Политические события в Сербии развивались стремительно. 23 марта 1903 г. в Белграде прошли массовые молодежные антиправительственные демонстрации. Повод для выступления был незначителен – молодежь протестовала против намерения полиции начать клеивать в их легитимации фотографические карточки. Эта манифестация так напугала Александра Обреновича, что он отдал приказ стрелять по демонстрантам. Полиция арестовала 119 человек: в основном студентов и гимназистов¹⁷. “После той ночи весь Белград встал против ненавистной власти, пошли слухи о заговоре против королевской четы и существующего режима”, – писал сербский журналист Д. Васич¹⁸. Король Александр на несколько часов приостановил действие конституции с тем, чтобы издать ряд антиконституционных актов. Он отменил законы о печати, собраниях и выборах, распустил сенат и скупщину. Сторонники воцарения Петра Карагеоргиевича, к которым относились все видные политические деятели страны, приступили к решительным действиям.

Кандидатура Петра Карагеоргиевича была более предпочтительна и для австро-венгерского правительства, чем Александр Обренович. Австро-венгерские правящие круги были обеспокоены слухами о намерении Александра заключить персональную унию с черногорской династией о предоставлении сербского престола черногорскому королевичу Мирко и попытками сербского короля активизировать политику в Македонии, Боснии и Герцеговине. Именно поэтому предпринятые Александром в 1902–1903 гг. попытки политического сближения с Австро-Венгрией не увенчались успехом. Российский посланник в Бухаресте А.А. Гирс, передавая содержание беседы своего нидерландского коллег с Александром Обреновичем в апреле 1903 г., отметил: “мой сотоварищ был хорошо осведомлен о стараниях Сербии войти в принципиальные переговоры с Австрией относительно будущего раздела Балканского полуострова и резко отказе венского кабинета вступить в какие-либо обсуждения по этому предмету”¹⁹.

Австрийские правящие круги были единодушны в своем негативном отношении к Александру. Они пытались дистанцироваться от короля и поддержки его действий. Переменной династии они планировали окончательно включить Сербию в орбиту своей политики. Именно поэтому австро-венгерские представители в Белграде посланник К. Думба и военный атташе Помянковский спокойно восприняли свершившийся переворот. Они думали, что перемена династии не станет предлогом для изменения курса Сербии по отношению к Австро-Венгрии²⁰. К. Думба первым из иностранных дипломатов оказался на месте трагедии. Об этом прямо говорилось в обзоре российского МИД 18 июня 1903 г.: “С другой стороны, по словам Чарыкова (существуют основания полагать, что значительная доля ответственности за произошедшие в Сербии кровавые события падает на Австрию, поощрявшую заговорщиков, через посредство проживающих в Сербии эмигрантов, обещанием, что пока она не будет противиться избранию князя Петра Карагеоргиевича на сербский престол. Поступая таким образом, Австрия по-видимому рассчитывала на то, что обычные при государственных переворотах беспорядки и замешательство, могли бы ослабить Сербию и на долгое время задержать ее политическое и экономическое развитие. События, однако, не оправдали расчетов Австрии, чем объясняется нерешительность и колебание ее политики по отношению к Сербии в первые моменты после переворота, значительно ослабившие в глазах сербов престиж названной державы”²¹. Эти выводы подтверждаются и В.В. Тржецяком,

¹⁶ *Dedijer V. Sarajevo, 1914 knj. II. Beograd, 1978, c. 222.*

¹⁷ Югославия в XX в. Очерки политической истории. М., 2011, с. 19.

¹⁸ *Vasić D. Devetsto treća (Majski prevrat). Beograd, 2000, c. 43.*

¹⁹ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 502, л. 267об.

²⁰ Аустро-Угарска и Србија 1903–1918. Документи из Бечких архива I, 1903. Београд, 1973, с. 45–49.

²¹ АВПРИ, ф. Политархив, д. 2868, л. 170об.

отмечавшим в своих донесениях, что Австро-Венгрия всеми силами пытается уронить престиж династии Обреновичей среди соседних балканских стран, используя для этих целей, как будет показано ниже, представителей македонского революционного движения – особенно Б. Сарафова. «В Софии из Мюнхена получено 100 номеров газеты “Тополе”, органа династии Карагеоргиевичей. Газета эта, наполненная всякого рода инсинуациями по отношению к королю Александру и королеве Драге и вообще к династии Обреновичей, умышленно ныне водворяется при участии австрийских дипломатов в Сербии через территорию Болгарии, несмотря на то, что ближайший путь из Мюнхена в Белград проходит через Австрию», – писал русский полицейский агент²². Об этом же министру иностранных дел Сербии М. Вуичу писал в январе 1902 г. сербский консул в Будапеште Барьяктарович. Он указывал, что издатель “Тополе” Милич пытался распространить это издание в Сербии, но это было предотвращено²³.

Интересен сам факт использования австрийской разведкой македонского движения для дискредитации правящей сербской династии. Тот же В.В. Тржецяк отмечал в 1902 г., что “в г. Ниш в местном военно-инженерном складе изготавливаются для военных целей динамитные патроны; сербские офицеры, имеющие сношения с местным австрийским вице-консулом Богуславлевичем, вывозят из склада динамит на сербский пограничный пункт Митровицы. <...> Динамит этот привозился в Митровицы с конечной целью взорвать его, чтобы затем, при посредстве интриг, пустить молву, что таковой заготовлен был по приказанию сербского короля для целей македонского движения <...> агентурным путем установлено, что упомянутый выше Богуславлевич состоит в близких отношениях с турецким губернатором Салоник Хамди-Пашой, который, совместно с Богуславлевичем, по настоянию австрийской дипломатии, должен был в случае, если удалось бы устроить взрывы сербского динамита в Нише, известить султана, что в Старой Сербии возникает македонское движение”²⁴.

Факты позволяют утверждать, что деятели македонского движения, а особенно один из его главных руководителей Б. Сарафов, напрямую были связаны с австрийской разведкой и приняли участие в подготовке заговора 29 мая 1903 г. В.В. Тржецяк прямо называет этот переворот “результатом анархической деятельности сарафовского македонского комитета”²⁵. И эти слова находят подтверждение. В начале 1902 г. в Белграде в отеле “Paris” под именем журналиста Богдана Петрова с агентом Тржецяка А. Вейсманом встретился Б. Сарафов и сообщил следующее: «В бытность мою в Вене со мною завел сношения Иосиф Граф, редактор газеты “Die Information”, от имени австрийского правительства и через непосредственно начальника информационного бюро Министерства иностранных дел г-на фон Мюллера, предложил мне служить интересам австрийского правительства на Балканском полуострове. За согласие мое в этом деле австрийское правительство предложило дать мне средства, необходимые для успеха македонского движения, которые якобы под видом пожертвований на македонское дело были бы собраны по подписке среди богатых людей в Праге. При этом австрийское правительство указало мне, что в пользах болгар было бы дать посредством македонского движения повод России полагать, что таковое произойдет под покровительством Сербии, а для этой цели обещало мне отдельно сумму 300 000 франков, чтобы одновременно поднять неприязненное движение против короля Сербии, чему помогли бы и группы людей б. министра короля Милана Владана Джорджевича. По совещании со всеми моими товарищами я согласился на это предложение, но попросил срок до 27 сего февраля, с целью за это время еще лишний раз испытать не согласится ли русское правительство оказать мне поддержку, каковую упорно мне оказывал по настоянию князя Фердинанда дипломатический агент в Софии г-н Бахметьев. Распустить организованные мною четы

²² ГАРФ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 81, л. 35об.

²³ Раденић А. Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића 1983–1903. Београд, 1973, с. 579–580.

²⁴ ГАРФ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 75, л. 7–7об.

²⁵ Там же. ед. хр. 81, л. 18.

(шайки) я не могу: это было бы равносильно приговорить себя к моральной смерти, и я дал клятву положить свою голову за освобождение Македонии. Я хочу добиться только автономии Македонии, а с тем согласна ныне и политика России и балканских государств. Точно также не могу выжидать с моей военной организацией в Македонии долгое время, ибо на это нужны деньги, гораздо большие тех, которые жертвует македонская организация в Болгарии и Сербии. Я буду вынужден силою обстоятельств в марте или апреле начать движение – успеть или погибнуть. Я понимаю, что это движение не входит в расчеты русской политики и что оно составляет козырь в руках австрийской политики, но нам нужны не эти расчеты, а автономия Македонии. Тем не менее, я все же болгарин и поэтому еще в последний раз обращаюсь к России. Прошу Вас сообщить русскому правительству (я знаю, что у вас есть связи), что мне нужны 300 000 франков. Эти деньги дадут мне возможность держать всю организацию наготове и в спокойствии, так как я на эти деньги во всех пунктах организации в Македонии буду подкупать турецких чиновников и потому мои люди будут спокойно проживать, не боясь вызова со стороны турок. За эту помощь России, я отдаю себя и всю организацию в распоряжение России. Когда мои македонцы узнают о факте помощи России, они со мной вместе будут ожидать момента, когда Россия укажет нам начать движение. Я могу ждать вашего ответа до 27 сего февраля и если на этот раз русское правительство мне откажет, я приму предлагаемую мне помощь от Австрии и в марте или начале апреля открою движение, а там что бог даст. Болгары и славяне меня не осудят за принятую помощь от Австрии, когда узнают, что Россия мне отказала. В настоящее время я нахожусь под покровительством Австрии и снабжен ее правительством не только необходимыми паспортами, дающими мне возможность передвижения, и теперь находиться в Сербии, но и дает личную материальную поддержку. Обо всем этом я буду говорить только с Вами или с Вашим начальником. Не говорю про то, что это дело совершенно секретное и может меня окончательно скомпрометировать. Вы должны понимать, что если предложение мое не будет принято, и будет известно австрийскому правительству, то вы мне оба ответите головами»²⁶.

Конечно, очевидно, что А. Вейсманом всегда, по выражению В.В. Тржецяка, двигало “нескрываемое желание создавать хорошо оплачиваемые и выгодные для него дела”. Но в то время Тржецяк, характеризовал Вейсмана как “весьма полезного и деятельного сотрудника” и хотел взять инициативу ведения переговоров с Б. Сарафовым в свои руки. Российское правительство, в свою очередь не пошло на эту сделку. Л.А. Рагаев приказал прекратить переговоры с Сарафовым, что, видимо, было связано с сомнительной репутацией Вейсмана. Мы, однако, привели эту пространную цитату для того, чтобы показать, что вопрос о финансировании убийства сербской королевской четы австрийскими правящими кругами еще остается открытым. Однако о косвенном участии венского кабинета в подготовке переворота можно судить по письму 19 февраля 1902 г. сербского политика и российского осведомителя Джайи – в то время представителя Сербии в Болгарии министру иностранных дел М. Вуичу, в котором он особо подчеркивал, что в Софии образовано “целое общество для распространения брошюр и статей, дискредитирующих правящую династию в интересах Карагеоргиевичей”. Во главе этого движения, по сообщениям Джайи, находится Дмитрий Кушев, один из сподвижников Б. Сарафова, которого сербский представитель характеризует как “весьма опасного деятеля”. В.В. Тржецяк в свою очередь сообщал, что Д. Кушев в марте 1902 г. получил от австрийского шпиона и издателя газеты “Die Information” Й. Графа письмо и 100 гульденов; Австрийский шпион предупредил Кушева “остерегаться каких-либо сношений с г-ном Вейсманом”. “Так как это письмо не выяснило отношений, существующих между Кушевым и Графом, то в разговоре с Кушевым в Софии г. Вейсман заявил, что в бытность свою в Вене он будто бы видел у Графа денежное письмо, заготовленное для Кушева и поэтому просит Кушева объяснить, какие у него отношения к Графу. Кушев, отрицая получение каких бы то ни было денег от Графа, заявил, что он

²⁶ Там же, л. 5–7.

совершенно не знает последнего. Предполагая, что Граф что-либо говорил Вейсману об отношениях своих к Кушеву, последний написал Графу письмо, в котором отразил свое неудовольствие на то, что Граф якобы открыл Вейсману характер их отношений²⁷.

В действительности письмо с деньгами Кушеву было послано 29 марта 1902 г., и в нем Граф, решительно опровергая эти обвинения, настоятельно просил Кушева выяснить, почему Вейсман им интересуется, называя его при этом шефом “черного кабинета” в Софии. “Только тогда, когда узнаю от Вас, почему W (Вейсман. – Я.В.) мной интересуется, – ведь я не более как издатель газеты, которую все могут читать, – я с вами обсужу, что следует предпринять по этому делу”. Й. Граф также просил выяснить “о чем вел переговоры W. с нашим приятелем” (имеется в виду Б. Сарафов. – Я.В.). “К моему удивлению, – отмечал Й. Граф, – я непрестанно читаю в газетах телеграммы, трактующие о Борисе, и в которых сообщаются сведения, имеющие своим источником переговоры Бориса и W. Только бы не было вреда от этой связи Бориса и W нанесено македонскому делу!”. Это еще одно свидетельство того, что вышеозначенные переговоры имели место²⁸.

«Бросается в глаза, – отмечал Джайа, – серьезная антисербская агитационная работа, которую ведут, как мне известно, люди из окружения Сарафова и Македонского комитета. Кроме того еще одним примером подобной работы может служить тот факт, что Сарафов прибыл из Вены в Белград, и сам признался, что ему выделено в Вене 300 000 динаров (в начале XX в. 1 динар приравнивался к 1 фр. – Я.В.) на организацию восстания в Македонии, и что С. Радев из Вены привез статьи на немецком языке, дискредитирующие короля и королеву и передал их Кушеву для публикации их в газете “Слово”»²⁹. Заметим, кстати, та же сумма “всплыла” уже после совершения убийства королевской четы. “Одна белградская газета уверяла, будто бы в ее руках имеется секретная переписка, доказывающая, что офицеры, принимавшие участие в убийстве, получили за это через местного банкира Хаджи Тома триста тысяч франков, которые и разделили между собой”³⁰, – отмечал В.А. Теплов, который один из первых познакомил российское общество с обстоятельствами убийства Александра и Драги.

Масштабы агитации против Обреновичей испугали даже австрийского агента, издателя Й. Графа, о чем можно судить по уже упоминаемому нами письму к Кушеву 29 марта 1902 г. «С Живоином, – писал он, упоминая Ж. Балугджича³¹, журналиста и дипломата, – по делу Карагеоргиевича я [расстался], прекратив связи. Я не хочу быть впутанным в агитации, [которые случились] в последнее время без моего знания, а именно с поставкой разных изданий на ваше имя и с другими делами – все это “Information” как независимому органу вредит и уменьшает к газете доверие, добытое большими страданиями, многолетним непрестанным трудом и при больших денежных затратах»³².

В апреле 1903 г. В.В. Тржецяк писал: “Агентурным путем выяснено, что в настоящее время болгарской полицией получены сведения о том, что из пределов Австрии, через территорию Сербии через города Ниш и Пирот будут доставлены в скором времени значительные транспорты динамита, предназначенного для македонского революционного движения; транспорты эти должны поступить в распоряжение известного македонского революционера Бориса Сарафова, который, как о том я неоднократно доносил, является одним из самых деятельных тайных агентов австрийского правительства в македонском

²⁷ ГАРФ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 81, л. 28об.

²⁸ АВПРИ, ф. 192, оп. 527, д. 384, л. 19–19об.

²⁹ Раденић А. Указ. соч., с. 581–582.

³⁰ Теплов В.А. Сербская неурядица. СПб., 1903, с. 32.

³¹ Живоин Балугджич (1868–1941) в 1895 г. эмигрировал из Сербии и жил в Женеве и Мюнхене, откуда вел агитацию против Обреновичей. После переворота 1903 г. он вернулся в страну, исполнял обязанности секретаря Петра Карагеоргиевича, затем выполнял дипломатические миссии в Салониках, Афинах, Риме и Берлине.

³² АВПРИ, ф. 192, оп. 527, д. 384, л. 20–20об.

движении”³³. Он особо подчеркивал, что австрийское правительство заинтересовано “в том, чтобы македонское движение не прекращалось, а, наоборот, приняло такие размеры, которые вызвали бы за собой необходимость вооруженного вмешательства держав для подавления македонского движения. При этом, в настоящее время центр влияния австрийских происков находится уже не в самой Македонии, где кроме внутренней македонской организации, ведут революционную борьбу болгарские, армянские, младотурецкие, и другие комитеты, а в Старой Сербии среди албанцев, наиболее недовольных положением вещей и введением новых реформ”³⁴. За два дня до убийства королевской четы – 27 мая 1903 г., начальник российской агентуры сообщил о доставке из Австрии в Белград 1 тыс. кг динамита. Он предназначался “для несуществующего в Сербии Индустриального Общества. Вагон этот должен был быть получен в Белграде неким Георгием Мостичем, уверявшим, что динамит предназначен для сербских каменоломней. Так как имелись основания предполагать, что динамит этот предназначен для целей македонского революционного движения, то о прибытии вагона немедленно был извещен Д.С.С. Чарыков, который посетил в тот же день Александра и просил принять меры к тому, чтобы этот вагон динамита отнюдь не был выдан революционерам. Король Александр тотчас же приказал конфисковать вагон и просил г. Чарыкова выразить благодарность мне, как местному представителю агентуры департамента полиции, за своевременное доставление сведений о прибытии динамита”³⁵.

Заметим, что российский посол в Вене граф Капнист, в противовес донесениям Чарыкова и Тржецяка, убеждал руководство МИД в непричастности венских правящих кругов к подготовке событий в Белграде, называя их сведения, в том числе о связях Сарафова с австро-венгерскими кругами, полным вымыслом. Капнист отмечал, что российский представитель на Балканах «принуждены черпать свои сведения из своеобразной среды и естественно привыкли придавать более веры тому, что слышат от наших соплеменных клиентов, иными словами “швабов”, с которыми они привыкли находиться в обостренном соперничестве»³⁶. Близорукость поведения российского дипломата очевидна, тем более, что успокоительные телеграммы он слал буквально за месяц до совершения убийства королевской четы. В донесении 21 апреля 1903 г. он писал: “Соображения Чарыкова относительно существования в Австрии помимо официальной политики, иной, подпольной деятельности, вдохновитель которой был бы барон Каллай (австрийский политический деятель, общеперский министр финансов и наместник Боснии и Герцеговины с 1882 г. – *Я.В.*), никакого основания не имеют, по крайней мере в нынешних обстоятельствах”³⁷. В целом же донесения Чарыкова российский посол в Вене характеризовал как “типичный образец увлечения легкомысленной аргументации”.

В свою очередь, Капнист в донесении 6 (19) мая 1903 г. писал: “из того простого обстоятельства, что граф Голуховский и г-н Каллай расходятся во мнениях, Чарыков выводит заключение, что агенты Каллая находятся от прошлой весны, как известно (кому?) в сношениях с Борисом Сарафовым, который получает от Каллая деньги и его слушается”³⁸.

В следующем донесении, в качестве доказательства своих слов, Капнист привел содержание беседы с корреспондентом парижской газеты “Le Temps” Вагнером, который, по словам российского дипломата, “лично знаком с большей частью государственных деятелей, как Сербии, так и Болгарии и служит центром соприкосновения между ними, когда они бывают проездом в Вене”³⁹. Справедливости ради заметим, что Вагнер дал

³³ ГАРФ, ф. 102, оп. 316/1, ч. 14 лА, л. 171.

³⁴ Там же, л. 171–171об.

³⁵ Там же, Ла т. II, л. 50.

³⁶ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 502, л. 308об.

³⁷ Там же, л. 283–283об.

³⁸ Там же, л. 309об.–310.

³⁹ Там же, л. 324об.

Капнисту весьма объективную характеристику Б. Сарафова, отмечая, что он “самый способный и самый деятельный из политических вожаков после Бельчева. Но его честолюбие и властолюбие не знает предела и поэтому он в среде своих сотрудников не очень любим”. При этом “патриотизм и приверженность Сарафова комитетскому делу не подвергается в глазах г-на Вагнера, никакому сомнению”, – замечал Капнист. Кроме того, Вагнер подтвердил российскому послу факт встречи Б. Сарафова и Й. Графа, который “в свою очередь, хотел свести его с одним из начальников отделений г-на Каллая, служащего ему правой рукой”. Однако, “в чем именно должны были состоять сношения между Сарафовым и Каллаем мой собеседник так и не мог выяснить, так как Сарафов, действительно приехавший в Вену, с г-ном Графом сейчас же поссорился и уехал, не вошедши, по-видимому ни в какие ближайшие сношения. Г-н Вагнер не допускает возможности, чтобы Борис Сарафов мог состоять в каких бы то ни было тайных сношениях с австрийским или другим правительством”, – писал Капнист⁴⁰.

Отметим, что успокоительный тон донесений Капниста не убедил руководство российского МИД. В.Н. Ламздорф указывал российскому послу, что “предположение о неискренности австро-венгерской политики высказывается не только всеми дипломатическими и консульскими представителями России на Балканском полуострове и местным агентом нашей тайной полиции, но также правительствами Германии, Италии и Великобритании”⁴¹. В.В. Тржецяк, в свою очередь, резюмировал: “Отказавшись от надежды продать свои услуги русскому правительству Борис Сарафов окончательно перешел на сторону Австрии и, конечно, весной же вызвал бы, как обещал, революцию в Македонии, если бы не расстроило его соображений открытие всех тайных намерений его и австрийского правительства”⁴². Этим опасениям вскоре суждено было сбыться. Вслед за белградским переворотом началось восстание в Македонии. А в сентябре 1903 г. Тржецяк сообщал, что Б. Сарафов получил из Австрии 30 тыс. ружей⁴³.

Обстановка накалялась не только непосредственно в Македонии. В начале XX в. узел противоречий завязывался в Старой Сербии⁴⁴. Сербские войска вошли в этот регион в ходе войны 1877–1878 гг., но вынуждены были его вернуть Османской империи в соответствии с решениями Берлинского конгресса. В начале XX в. жизнь сербов в этом крае стала невыносимой. Обстановку в крае дестабилизировали как албанские погромы, так и этнические акции болгарских банд. “Ослабевшее турецкое правительство не желало прекращать в Косовском вилайете анархичное положение, видя в нем способ десербизации спорных пограничных регионов”, – отметил А.Ю. Тимофеев⁴⁵. Он же привел сведения о том, что в период с 1878 г. и до конца века Старую Сербию покинуло около 60 тыс. православных сербов, что составляло почти треть населения края⁴⁶. В конце марта 1903 г. в центре Старой Сербии г. Митровице албанскими экстремистами был убит российский консул Г.С. Щербина⁴⁷.

Вопрос о Старой Сербии был одним из ключевых в политике белградских правящих кругов. Но саму политику Сербии в этом регионе в начале XX в. нельзя назвать ни взвешенной, ни тем более последовательной. Особое раздражение местного населения вызывала деятельность рашско-призренского митрополита Никифора. Российский консул в Призрене Тухолка доносил в МИД в августе 1903 г.: «По-моему, необходимо

⁴⁰ Там же, л. 330–331.

⁴¹ Там же, л. 347.

⁴² ГАРФ, ф. 505, оп 1, ед.хр. 81, л. 37.

⁴³ Там же, ед. хр. 82, л. 73; ф. 102, оп. 316 I ч. 14, Ла т. II, л. 218.

⁴⁴ Тимофеев А.Ю. Указ. соч., с. 5.

⁴⁵ Там же, с. 12.

⁴⁶ Там же, с. 99.

⁴⁷ Ямбаев М.Л. События весны 1903 года в Старой Сербии: албанские беспорядки и гибель в Митровице русского консула Г.С. Щербины. – Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения В.Г. Карасева. М, 2002, с. 155–161.

обратить самое серьезное внимание Сербии на ее политику в Старой Сербии, которую нельзя назвать иначе как безумной. Сербия ведет здесь пропаганду и тратит до 100 000 франков в год, дабы приобрести любовь народа, а между тем она постоянно озлобляет народ и сеет среди него смуту и раздоры. Вместо того, чтобы считаться с волей народа, она лишь плодит интриги и вредит народу, чего не следует допускать. Прежде всего безумно поддерживать ненавидимого народом консула в Приштине Аврамовича и сумасбродного владыку Никифора. Еще недавно они устроили пьяную оргию в монастыре Грачаница, причем Аврамович был побит сербами, о чем было напечатано в “Штампе”. Митрополит Никифор действует не как пастырь, а как злейший враг народа. В Ипекке наместник митрополита поп Обрат за деньги ходатайствует за арнаутов-зликотцев перед турецкими властями. Ипекцы не приглашают его боле на требы. В Дьяковке сербы тоже уже давно не в ладах со священником. Но Никифору до всего этого нет дела. В Призрене он не признает общины и остановил все народные дела. Призренцы многократно просили меня о защите их от такого митрополита и мне кажется, что если мы не хотим разочаровывать народ, то не должны оставлять просьб без внимания, хотя бы Сербия шла против народа. Надо раскрыть Сербии глаза на её политику здесь: пусть она не митингует, а работает на пользу народа и свою в согласии с народом и нашей поддержкой»⁴⁸.

Не случайно, незадолго до свержения Обреновичей, в начале мая 1903 г., в Белграде была основана организация “Словенский Юг”, формально как студенческое культурно-просветительское общество, цель которого содействовать объединению всех южнославянских народностей. После майского переворота 1903 г. общество значительно укрепило свои позиции, активизировав свою деятельность в Албании, Македонии, Боснии и Герцеговине. Одним из главных основателей общества был Милан Прибичевич – брат известного сербского политика Светозара Прибичевича – в те времена редактора загребской газеты “Србобран”, впоследствии ставшим лидером демократической партии, и одно время бывшим премьер-министром в межвоенной Югославии. Среди других деятелей можно выделить капитана Я. Ненадовича, поручика А. Срба, соратника Н. Пашича Л. Йовановича, капитана М. Наумовича, чиновника министерства иностранных дел Л. Нешича, М. Васича и Л. Йовановича-Чупу, написавшего проект устава этой организации, и, конечно, доктора М. Годжевца – наряду с С. Симичем видной фигуры в организации сербского этнического движения в Македонии и Старой Сербии. В тесных контактах с этой организацией находились практически все видные фигуры сербской политики, в том числе лидеры “младорадикалов” Л. Давидович, Я. Проданович, Л. Стоянович, Ж. Живанович, а также офицеры-участники майского переворота – генерал Й. Атанацкович, майор П. Пешич, поручик Ж. Рафаилович и Д. Димитриевич-Апис⁴⁹.

29 июня 1903 г. Аввакумович произнес в королевском дворце речь, в которой весьма четко прослеживались великосербские тенденции. “Разные сербские газеты, говоря об этой речи, дают понять, что Сербия под властью нового короля должна выступить на поприще активной деятельности в македонском вопросе”, – отмечалось в аналитическом обзоре сербской прессы, составленном российским МИД⁵⁰. Именно поэтому начавшееся восстание в Македонии вызвало новое бурление общественных страстей в Белграде, в которых значительное место играли слухи о возможном объединении с Болгарией, с целью взаимовыгодного решения македонского вопроса. В отчетах российского МИД прямо говорилось о том, что “в сербской печати ведется, крайне волнующая общественное мнение, пропаганда, имеющая целью доказать политические выгоды союза. По мнению надв. сов. Муравьева, есть основания предполагать, что мысль о

⁴⁸ АВПРИ, ф. 166, Миссия в Белграде, оп. 508/1, д. 95, л. 96.

⁴⁹ *Пејчић П.* Четнички покрет у Краљевини Србији 1903–1908. Крагујевац, 2007, с. 34–35; *Симић С.* Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македоније 1903–1912. Београд, 1998, с. 75–80.

⁵⁰ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 503, л. 2об.

балканской федерации делает большой успех в сербской армии; ходит даже слух, что вскоре между двумя государствами будет заключена военная конвенция”⁵¹. 21 августа 1903 г. в Белграде прошел многоядный митинг в поддержку сербского населения Старой Сербии и Македонии, после завершения которого, была основана женская патриотическая организация “Коло сербских сестер” под руководством С. Суботич, М. Добрич и Н. Петрович⁵².

Значительно усилилась после переворота 1903 г. сербская деятельность по формированию чет в Македонии. Поверенный в делах в Белграде Муравьев-Апостол-Коробьин писал, что “признаком этих стремлений нельзя не считать попытки устроить центральный сербский банк, предназначенный будто бы для покровительства сельскому хозяйству, а в действительности для закупки в широком размере оружия македонским революционером”⁵³. Не остался в стороне и политизированный офицерский корпус страны. Тот же Муравьев-Апостол-Коробьин сообщал: “Стремление к более активной политике встречает сочувствие некоторой части офицеров, во главе которых стоит генерал Атанацкович и капитан Рафаилович, именуемый сербским Сарафовым, а затем и студентов. Деятельность первых в последнее время проявилась в участии в формировании нескольких незначительных чет, а деятельность вторых – в недавно устроенном съезде сербской и болгарской молодежи в Софии, принявшем программу совместной революционной работы”⁵⁴. Не случайно, по сообщениям болгарской газеты “Софийские ведомости” и по сведениям посла в Стамбуле И.А. Зиновьева в ноябре 1903 г. Б. Сарафов приехал в Белград “с целью заручиться содействием сербских революционеров для организации обширного восстания к следующей весне”⁵⁵.

Российский МИД, в свою очередь, был весьма обеспокоен сведениями, поступавшими из Белграда. Так 29 июня 1903 г. “к российскому поверенному в делах (Муравьеву-Апостолу-Коробьину. – Я.В.) явился один чиновник сербского министерства народного просвещения, находящийся в близких отношениях с сербскими военными кругами и в частности с деятелями переворота 29 мая и сделал ему следующее, весьма доверительное сообщение. По сведениям означенного лица Сербию только что посетили три болгарских офицера, прибывших для установления тайного соглашения с сербской армией, касательно освобождения общими силами Македонии от владычества турок. С этой целью предположен грандиозный заговор, который должен охватить как болгарскую, так и сербскую армию, причем делом первой должно быть свержение князя Фердинанда и провозглашение Петра Карагеоргиевича королем болгарским. Переворот этот предположено произвести 15 августа. Соединенный таким образом в одно политическое целое и обладавшее в совокупности войском в 450 000 человек, Болгария и Сербия заставят Турцию отказаться от Македонии, которая будет вслед за тем разделена между обоими государствами на выработанных уже будто бы основаниях”⁵⁶. Правда, российский представитель в Софии Бахметьев поспешил опровергнуть эти слухи и успокоить петербургский кабинет, утверждая, что “ни генерал Петров, ни военный министр, ни наш военный агент не имеют никакого понятия о трех безымянных заговорщиках, состоящих в неустановленных чинах”. Выводы российского дипломата, при этом были вполне логичны: “Как бы болгарские офицеры не были недовольны князем, или правительством, на что мы не имеем никаких признаков, они никогда и ни в каком случае не захотели бы присоединиться к сербам, а уже в особенности теперь, когда сербское войско находится в полной анархии”⁵⁷.

⁵¹ Там же, д. 2868, л. 200.

⁵² *Пејчић П.* Указ. соч., с. 32.

⁵³ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2869, л. 31об.

⁵⁴ Там же, л. 31–32.

⁵⁵ Там же, д. 503, л. 68об., 78об.; *Симић С.* Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македоније 1903–1912. Београд, 1998, с. 93–94.

⁵⁶ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2868, л. 192об.

⁵⁷ Там же, д. 503, л. 25.

Именно поэтому убийство королевской четы было не только следствием внутри-сербской политической борьбы и как ее следствие устранение неугодной династии. Сквозь призму македонского вопроса и положения сербского населения в Старой Сербии получала свое постепенное оформление военная доктрина решения вопроса об “освобождении всех сербов”. Об этом несколько позднее на страницах журнала “Новая Европа”, издававшегося в Загребе в межвоенной Югославии, вспоминал Ч. Попович – полковник, впоследствии вошедший в руководство тайной сербской офицерской организации “Объединение или Смерть” (“Черная Рука”): “Главная причина участия молодых офицеров в заговоре 29 мая 1903 г. состояла в ширившемся среди широких слоев населения, а особенно в офицерских кругах, ощущении отсутствия какой-либо национальной работы. Все полагали, что последние Обреновичи занимались исключительно политической борьбой с целью укрепления династии, забыв о национальных акциях. Эту мысль активно пропагандировала оппозиция тогдашнего режима, особенно радикалы. И действительно, после публикации известного документа – текста тайной конвенции между королем Миланом и Австрией, мы видим, что это мнение было оправдано”. Он же добавляет в этой связи: “Объединение нашего народа может произойти только революционной работой на еще не освобожденных территориях”⁵⁸. А проведенный сербской исследовательницей Д. Стоянович анализ сербской прессы, показывает, что после 1903 г. большая часть сербской политической и интеллектуальной элиты напрямую увязывала “внутреннее освобождение” страны с новым этапом развития освободительного движения – началом объединения славянских народов вокруг Сербии⁵⁹. Стоя перед выбором, после переворота 29 мая 1903 г. сербское правительство сделало, по словам историка А.Л. Шемякина, ставку на прочную привязку “маленького сербского плота к могучему русскому кораблю”, как тогда говорили, и на мобилизацию собственного народа как главного внутреннего фактора будущей реализации “заветной мысли сербской”⁶⁰.

---

⁵⁸ Российский государственный военный архив (Особый архив), ф. 579, оп. 1, ед. хр. 71, с. 397–398.

⁵⁹ Стојановић Д. Србија и демократија. Београд, 2003, с. 222.

⁶⁰ Шемякин А.Л. Сербская национальная идея в 1878–1903 гг. Время разочарования и осмысления. – На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997, с. 156–157.